

Влияние новостного контента на межпоколенческие взаимодействия в современной России¹

Маркеева Анна Валерьевна

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: anna_markeeva@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 3645-0048

ORCID ID: [0000-0002-7439-1599](https://orcid.org/0000-0002-7439-1599)

Синяков Алексей Викторович

Заведующий учебной лабораторией, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: alekssin@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: 5879-6285

ORCID ID: [0000-0002-7117-4089](https://orcid.org/0000-0002-7117-4089)

Аннотация

Существование обществ в рамках новой демографической структуры, вследствие старения населения, требует комплексного реформирования социальных институтов, которое не может быть эффективно осуществлено вне рамок формирования новой культуры старости. Закрепившаяся в России культура избегания старости, закрытие молодых и пожилых россиян в рамках своих социальных групп, отсутствие конструктивного диалога между поколениями являются препятствиями для реализации государственных и частных программ активного долголетия. Одним из негативных факторов выступает информационный, в том числе новостной, фон, закрепляющий стереотипизированное восприятие старости, способствующий разобщению поколений. На основе анализа массива данных новостной ленты сайта Lenta.ru за 2000–2020 гг. и социальной сети «ВКонтакте» за 2018–2020 гг. выявлено, что приоритет в новостной политике отдается проблемам молодежи, новости воспроизводят стандартизированные представления о старости и молодости, о типичных характеристиках и ключевых ролях представителей данных возрастных групп, причем в отношении пожилых преобладают негативные коннотации и ограниченный набор социальных ролей. Несмотря на значительные социально-экономические трансформации, позволившие существенно сдвинуть границы старости, информационное пространство воспроизводит клише относительно потенциала старшего поколения, превращается в инструмент общественного давления. Отмечается, что в текущих условиях необходимы не только понимание и учет информационного поля при организации государственных и корпоративных программ поддержки и развития данных социальных групп, но и нахождение новых способов для организации межпоколенческого диалога, одним из которых может быть совместная реализация волонтерских программ.

Ключевые слова

Пожилые, молодежь, новости, старость, информационное пространство, новостной контент, стереотипы, межпоколенческие конфликты, межпоколенческие взаимодействия, активное старение, старшее поколение, социальное конструирование.

News Content Impact on Intergenerational Interaction in Russia²

Anna V. Markeeva

PhD, Associate Professor, Associate Professor of Economic Sociology and Management Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: anna_markeeva@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-7439-1599](https://orcid.org/0000-0002-7439-1599)

Aleksey V. Sinyakov

Head of Educational Laboratory, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: alekssin@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-7117-4089](https://orcid.org/0000-0002-7117-4089)

Abstract

The existence of societies within a new demographic structure requires a comprehensive reform of social institutions. The reform cannot be carried out without forming a new culture of old age. The culture of avoiding old age, the closure of young and elderly Russians within their social groups, and the lack of constructive dialogue between the generations inhibit the implementation of public and private programmes of active ageing. One of the negative factors is the information (news) environment, which strengthens the stereotyped perception of old age and contributes to the separation of generations. Based on the analysis of social media data (VK and Lenta.ru), the following was revealed: the priority of news policy is given to the problems of young people; news reproduces standardized ideas about old age and youth, typical characteristics and key roles of representatives of these age groups; negative connotations and a limited set of social roles dominate in relation to older people. Despite significant socio-economic transformations that have made it possible to shift the boundaries of old age, the information space reproduces clichés about the potential of the older generation and becomes an instrument of social pressure. In the current context, new ways of organizing intergenerational dialogue are needed. One way could be cooperative volunteer programmes.

Keywords

Older people, young people, news, old age, information space, news content, stereotypes, intergenerational conflicts, intergenerational interactions, active ageing, older generation, social construction.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

² The research was supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of the Lomonosov Moscow State University "World Cultural and Historical Heritage Preservation".

Введение

Трансформация демографической структуры населения в развитых странах в конце XX – начале XXI века формирует комплекс вызовов (на макро- и микроуровнях), требующих новых управленческих решений. Следует признать, что проблемы «стареющих обществ» затрагивают не только экономические основы государств, требуют не только модернизации экономики, обусловленной реформированием пенсионных систем и необходимостью удержания возрастных работников на рабочих местах в условиях возникающего дефицита кадров, но касаются прежде всего социальных и социокультурных трансформаций, без которых реализация запланированных государственных или общественных программ активного долголетия не может быть осуществлена. «Стареющие общества» нуждаются в установлении новых правил взаимодействия между представителями разных поколений, способных снизить остроту ценностных различий, наладить диалог между ними, обеспечить эффективное сосуществование поколений в новых социально-демографических условиях, уменьшая экономические, политические и иные основания межпоколенческих конфликтов. Но главное, требуется формирование нового понимания старости: установление границ, существенно выходящих за рамки предыдущих представлений о старости, разрушение сложившихся стереотипов в отношении пожилого человека, существенно ограничивающих возможности его реализации, в том числе в трудовой сфере, снижающих субъективные оценки благополучия. Стереотипы выступают чуть ли не единственным основанием для замыкания старшего и молодого поколения россиян в границах своих социальных групп.

Одной из проблем текущей ситуации выступает то, что в соответствии с положениями теории «проспективного старения» объективные границы старости смещаются (увеличение продолжительности жизни и, главное, периода активности создает предпосылки для изменения представлений индивидов о психологическом возрасте) [Sanderson, Scherbov 2010; Sanderson, Scherbov 2019], однако существующие представления общества о социальных границах старости и предписываемых ролях меняются существенно медленнее, что ограничивают возможности реализации программ «активной старости».

Сдерживающим фактором на пути формирования новой культуры отношения к пожилым, нового видения старости выступает существующее информационное пространство не только традиционных СМИ, но и новых медиа. Воспроизводимое в нем стереотипизированное представление о старших поколениях, его потенциале, характеристиках и возможностях усиливает разобщение и даже отчуждение поколений. Существует еще один важный элемент складывающейся социальной ситуации: новые медийные платформы становятся привлекательным инструментом контроля и влияния множества цифровых акторов и в этой связи могут преследовать собственные интересы, входя в противоречия с действующей государственной политикой в отношении пожилых и молодых, поляризуя их мнения и усиливая межпоколенческую конфликтность. В этой связи решение исследовательских задач, направленных на изучение механизмов влияния информационного, в том числе новостного, фона, в который погружаются представители различных возрастных групп, на воспроизводство и закрепление стереотипов в отношении потенциала и возможностей представителей разных поколений, представляется актуальным. Это позволит определить факторы, влияющие на эффективность выстраивания диалога между поколениями, способных нивелировать негативные последствия существующей стратегии избегания. А также повысить результативность существующих программ, в том числе государственных и корпоративных, по поддержке и развитию взаимодействий между молодежью и представителями старшего поколения в РФ.

Межпоколенческие взаимодействия и межпоколенческие конфликты: теоретический дискурс

Сформированные теоретически традиции в отношении изучения межпоколенческих конфликтов не только определили концептуальные рамки их исследования, но и в контексте постулируемых положений о значении этих конфликтов в общественном развитии сформировали управленческие подходы по согласованию интересов старших и молодых поколений. Конфликт поколений в середине XX века рассматривался как универсальный мотив человеческой истории [Маркузе 1970], как ведущий фактор общественного развития и возможность для кардинальных социальных преобразований [Mendel 1974; Feuer 1969]. Считалось, что молодежь как активная преобразующая сила способна преодолеть сложившиеся негативные процессы общественного развития, такие как технократизм, отчужденность и т.д. Такие теоретические постулаты были отражением усиления роли молодежи в социально-политической повестке Европейских стран в тот период, обусловлены ростом молодежных, прежде всего студенческих, движений. Однако уже к концу XX века вектор исследований меняется.

Все чаще специалисты не акцентируют внимание на революционном характере молодежи, а изучают условия для диалога поколений, обосновывают необходимость эволюционного пути развития и поиска путей для взаимопроникновения и обогащения взаимодействий между представителями разных поколений.

В российской социологии исследование межпоколенческих конфликтов было связано с изучением социально-экономических трансформаций конца XX века. В качестве теоретической основы использовались положения межпоколенческой динамики К. Манхейма [Манхейм 1994] и «кризиса поколений» Ж. Менделя [Mendel 1974]. Межпоколенческие конфликты перестали рассматриваться с крайних позиций (как признак положительных изменений и как признак деградации), а превратились в естественный и необходимый элемент социальной динамики. Отмечалось, что конфликтность и противоречия усиливаются в периоды ускорения темпов общественного развития, что сопряжено с отказом молодежи от принятия образцов прошлого. Нивелирование деструктивных аспектов конфликтности связывалось с выстраиванием конструктивных взаимодействий, диалога между представителями поколений, формированием среды. Речь не велась и не может вестись о полном снятии и исчезновении конфликта «отцов и детей». Необходимо не только признать наличие разных позиций и ценностных установок у молодежи и пожилых, но создать возможности их сосуществования, взаимопроникновения точек зрения, способствовать конструктивной ревизии взглядов.

Сформированная в России боязнь старости и культура ее избегания в отсутствие эффективно функционирующих программ межпоколенческих взаимодействий (усилия в их комплексном внедрении стали развиваться лишь в последние годы в рамках реализации национальных проектов) подтверждают выводы исследований К. Эдвардса и П. Ноллера. Складывающееся у молодежи восприятие пожилых как потенциальной угрозы, чувство непрерывного беспокойства в отношении старости, боязнь факторов, которые сопровождают старение (немошь, слабость, возможная физическая несостоятельность), неизбежно увеличивают разрыв и разобщенность между поколениями [Edwards, Noller 1993]. И только реализация инициатив, когда представители молодых поколений начинают принимать старость (неизбежность присоединения к группе пожилых в будущем), воспринимать себя как часть одной группы с пожилыми, способны если не устранить, то уменьшить данный разрыв. Необходимо формирование социальной среды и установок, в которых молодежь будет конструктивно смотреть на старение, видеть возможности реализации себя в новых, иных качествах. При этом важным становится не только формальное расширение межпоколенческих программ, признание факта наличия проблемы и ее остроты для всех «стареющих обществ», но необходимость ее институционального решения через комплекс взаимосвязанных преобразований в социальной, культурной и экономической сферах [Герасимова 2015; Сорокин, Гаврилюк 2017].

Результаты значительной части российских прикладных исследований в конце XX века показывали, что ценностный конфликт молодежи и пожилых не был острым. Объяснялся невыраженный характер межпоколенческого конфликта тем, что радикальная перестройка социально-экономической системы затронула всех россиян, изменение системы жизненных ценностей переживали одновременно представители всех поколений, при этом сами поколения не были гомогенными. И лишь в начале XXI века в связи с вступлением в активную самостоятельную жизнь поколения россиян, социализировавшихся без прямого влияния советской идеологии, ученые заговорили об усилении межпоколенческих конфликтов, о наличии острых противоречий между поколением рыночных идей и советским поколением [Беспалова, Герцен 2009; Барсуков 2016]. При этом в качестве ключевой дифференцирующей ценности, способствующей усилению конфликтности между поколениями, выделялось отношение к труду. Указывалось, что для представителей старших поколений, воспитанных в советской идеологической доктрине, труд воспринимался как высшая ценность. Для младших поколений труд перестал выполнять ведущую роль, уступив место гедонистическим устремлениям [Семёнова 2009]. Труд и работа начали выполнять сугубо прагматическую задачу: создавать основу для благосостояния и возможности реализовать жизненные шансы.

В текущих условиях по ряду ключевых аспектов занятости представители молодого поколения и работающие пенсионеры демонстрируют не различие, а общность ценностных установок: это проявляется в ориентации на стабильную занятость и очень прагматичный выбор работодателя, когда основными факторами выступают достойная оплата и гарантированный контракт. Ресурс конфликтности между поколениями в экономическом плане был и остается достаточно низким

[Barkov, Markeeva 2020]. Данные репрезентативных опросов показывают, что с 1992 года до 2015 года только 8% опрошенных россиян были согласны с утверждением, что «пенсионеры только занимают рабочие места и мешают продвижению более молодых сотрудников»³.

Низкий уровень конфликтности поколений по поводу карьерного продвижения и более качественных рабочих мест не означает, что оснований для конфликта нет в принципе. На наш взгляд, конфликтность может нарастать и реализовываться в границах более глубокого социально-экономического конфликта (между очень небольшой группой сверхбогатых и большинством населения, балансирующим на грани выживаемости). Этот конфликт не будет иметь поколенческих особенностей, но напрямую будет связан с углублением социального неравенства в стране. Запрос на социальную справедливость, на более равномерное распределение доходов сформирован в разных социально-демографических группах еще в начале 2010-х годов. Так, запрос на социально ориентированное (в духе СССР), а не рыночное устройство экономики диагностируется социологами как у старших, так и молодых россиян, даже тех, кто социализировался в постсоветский период [О чем мечтают россияне: идеал и реальность 2013; Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян 2018]. Россияне не только считают, что существующее социальное неравенство (прежде всего в доходах, доступе к медицинской помощи, жилищных условиях, доступе к хорошим рабочим местам) — это наиболее острая проблема российского общества в целом, но это проблема, которая касается их лично [Мареева 2018, 105–106]. В равной степени она ощущается как молодыми (62% в возрасте 18–24), так и пожилыми россиянами (73% в группе 45–59 лет и 68% в возрасте 60 лет и старше)⁴. Решение проблемы социального неравенства становится вызовом для российского государства. Пандемия углубила проблему, многие виды социальных неравенств перестали восприниматься россиянами как «естественные», формируется запрос на изменения: 76% опрошенных россиян в ходе глобального исследования считают, что социальное неравенство будет расти, Россия входит в топ 5 стран с самыми высокими оценками его роста⁵.

Молодежь и пожилые россияне в новостном пространстве новых медиа

Эмпирической основой данного исследования является дампы новостной ленты сайта Lenta.ru и дампы социальной сети «ВКонтакте». Выгрузка публикаций социальной сети «ВКонтакте» предоставлена Центром прикладного анализа больших данных Томского государственного университета и содержит более 207 тысяч сообщений за период с 2018 по 2020 годы. Новостная лента сайта Lenta.ru представлена более чем 899 тысячами статей за период с 2000 по 2020. Выгрузка новостей осуществлена с использованием технологии, предложенной проектом [Corpus of news articles of Lenta.Ru](https://github.com/Corpus-of-news-articles/Lenta.Ru). Анализ текстов произведен в программном комплексе на языке Python на основе принципов Natural Language Processing (обработка естественного языка) с использованием библиотек NLTK и Natasha. Последовательно осуществлена токенизация новостей по предложениям, произведен отбор новостей и предложений, касающихся изучаемой тематики, осуществлена лемматизация слов (приведение к канонической форме), удалены неинформативные «стоп-слова», выделены блоки существительных, глаголов и прилагательных, встречающихся в отобранных предложениях, произведен частотный анализ и построены облака тегов. Основные выводы данного исследования сделаны на основании новостной ленты сайта Lenta.ru, однако текущие особенности формирования новостной политики традиционных и новых СМИ обладают высокими уровнем проникновения (интеграции), что позволяет предположить, что выделенные тенденции в той или иной мере характерны в целом для российского медийного пространства.

Во-первых, новостная политика в большей степени ориентируется на отражение вопросов, связанных с молодым поколением, нежели проблем старшего поколения (Рисунок 1). Так, с 2000 по 2021 год в общей новостной ленте в среднем молодежи касаются 4,6% новостей (каждая 22 новость), в то время как пенсионерам и лицам пожилого возраста посвящены 2,8% новостей (каждая 36 новость), а если исключить повышенное внимание в период всеобщей самоизоляции, то только 2,5% (каждая 40 новость).

³ Расширенная подборка данных ВЦИОМ. С. 21 // Социодиггер [Электронный ресурс]. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Trud_july-2021.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

⁴ Карта страхов россиян: осень-2020 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/karta-strakhov-rossijan-osen-2020> (дата обращения: 20.03.2021).

⁵ Global Advisor. 2021 Predictions // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-12/global-predictions-2021-ipsos.pdf> (дата обращения: 07.05.2021).

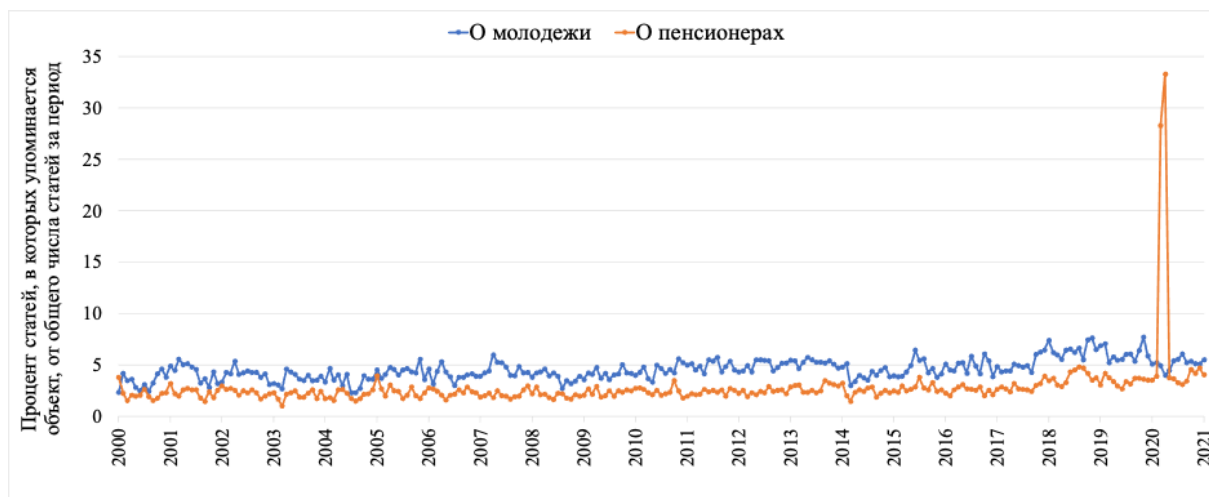

Рисунок 1. Динамика новостей о молодежи и пенсионерах в новостной ленте сайта Lenta.ru за 2000–2020 гг.⁶

Такой разрыв в объеме информации в новостной политике четко вписывается в концепт медийности. Новости о молодых вызывают больший интерес российских пользователей. Это обусловлено прежде всего сложившейся ориентацией российского общества на молодых, рассмотрение их как ведущего фактора общественного развития, что способствует такому конструированию информационного поля (по крайней мере, в части интернет-пространства), где проблемы молодых воспринимаются как более важные и общественно значимые. Специфика российского медиапотребления, когда наиболее медиаактивными потребителями новостного контента в цифре является молодежь (18–35)⁷, также способствует тому, что новости, сопряженные с их потребностями, задачами, ценностями, формируют большую вовлеченность целевой аудитории. Нельзя сбрасывать со счетов то, что новости о молодых обладают большим эмоциональным потенциалом: даже самые негативные по содержанию новости могут быть «красиво показаны», вызывая быстрый эмоциональный отклик и реакцию. Данная особенность восприятия информации давно апробирована рекламистами. Показать красиво проблемы пожилых, старость гораздо сложнее, особенно с учетом сложившегося российского общественного отношения к старикам и старости как к чему-то неприятному и пугающему.

Во-вторых, в новостном контенте транслируется и воспроизводится стереотипизированное представление о старости и молодости, о типичных характеристиках и ключевых ролях представителей данных возрастных групп. Но если в отношении молодых эти характеристики связаны с положительными ассоциациями, то в отношении представителей старшего поколения чаще встречаются негативные коннотации.

Так, в новостном контенте о молодых преобладают слова, указывающие на социальные роли или связанные с их реализацией социальные институты: «студент», «выпускник», «университет», «вуз» (Рисунок 2). В качестве характеристик (прилагательных) наиболее часто используемыми являются: «молодой», «молодежный», «новый», «первый», «известный» (Рисунок 3). Эти данные согласуются со сложившимися представлениями россиян о современной российской молодежи как о самой общительной и активной части российского населения (67% в 2019 г. и 72% в 2014 г.)⁸.

⁶ Составлено авторами.

⁷ Медиапотребление россиян: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 03.05.2021).

⁸ Молодёжь 2.0. Общительность, спортивность и материализм — главные отличительные черты современной молодежи? // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozh-20> (дата обращения: 05.05.2021).

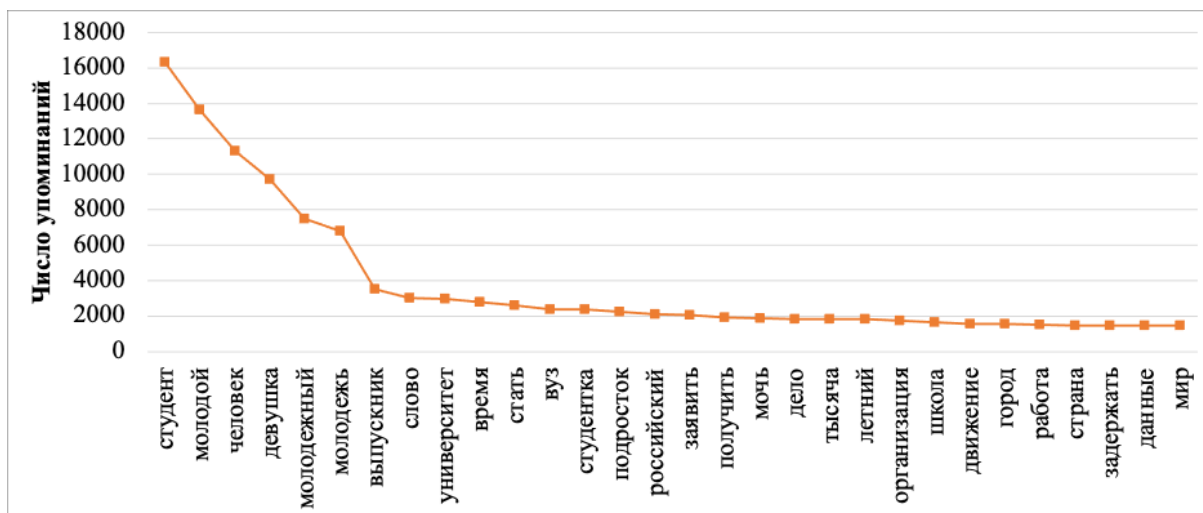

Рисунок 2. Частота упоминаний 30 самых популярных слов в новостях о молодежи на основании анализа новостного массива Lenta.ru 2000–2020 гг.⁹

Сложившееся структурирование новостей по ключевым блокам (политика, общество, экономика, культура, спорт) и необходимость их обязательного заполнения в течение дня даже малозначительными или не представляющими существенного интереса для пользователей событиями [Бурдые 2002] продолжают воспроизводиться и в формате новых медиа. Это можно проследить на примере представленных наиболее часто употребляемых слов (прилагательных) в новостях «Ленты» о молодежи, где присутствуют все 5 ключевых блоков (Рисунок 3). Самым содержательно наполненным является общественный блок новостей, рассматривающий проблемы молодых в общекультурном, российском или региональном контекстах с наиболее часто используемыми словами «американский», «социальный», «местный», «федеральный», «иностранный» либо в части актуальной криминальной хроники («правоохранительный», «уголовный», «юридический», «виновный», «следственный»). Вторым по популярности является блок новостей по политической проблематике («государственный», «национальный», «патриотический», «прокремлевский», «оппозиционный»).

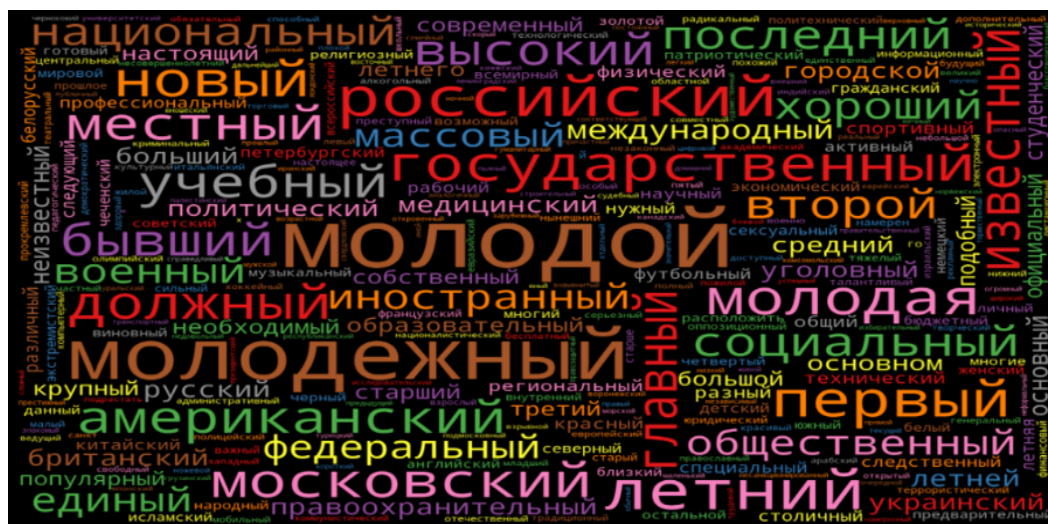

Рисунок 3. Облако слов/тегов (прилагательных) о молодежи на основании анализа новостного массива Lenta.ru 2000–2020 гг.¹⁰

Новостной контент о пожилых людях явно обладает ограниченным количеством рассматриваемых тем, что выражается в однообразии слов. Так, в отношении молодежи совокупная доля употребления 40 самых часто встречаемых слов составляют 17% среди совокупности всех слов, которые встречаются в новостях, а среди новостей, касающихся пожилых людей, совокупная доля употребления 40 слов составляют 27% среди совокупности всех слов.

⁹ Составлено авторами.
¹⁰ Составлено авторами.

Как видно из Рисунка 4, наиболее часто воспроизводимыми характеристиками (прилагательными) являются «пенсионный», «пожилой/пожилое», «старый», «престарелый».

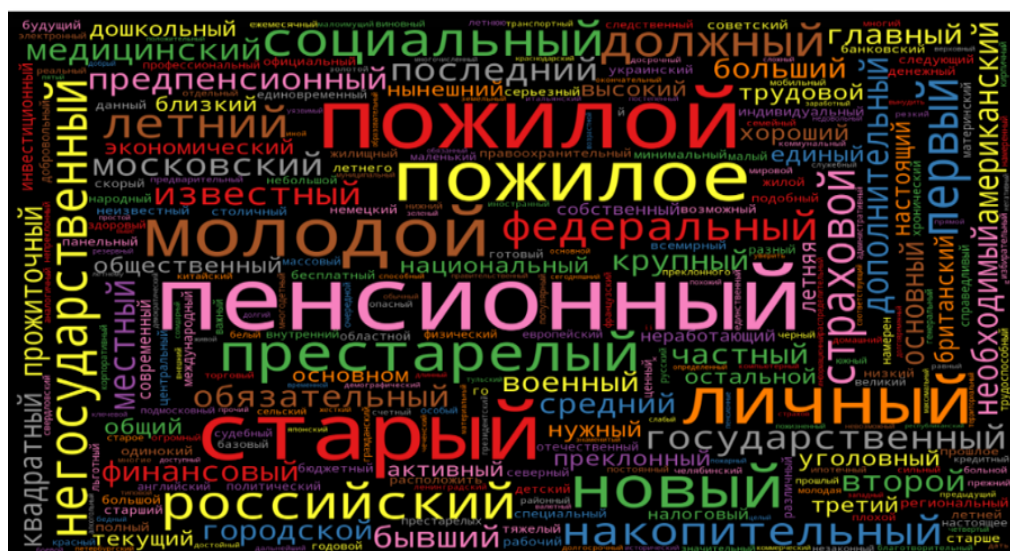

Рисунок 4. Облако слов/тегов (прилагательных) о пожилых на основании анализа новостного массива Lenta.ru 2000–2020 гг.¹¹

Интересно отметить, что еще более стереотипное и однобокое восприятие пожилых транслируется в социальных сетях. Данные сети «ВКонтакте» (Рисунок 5) показывают, что основной массив сообщений, касающихся пожилых (а он более разнообразный по источникам информации, так как в обрабатываемый текстовый массив включены как информационные сообщения от государственных органов, СМИ, компаний, так и от простых пользователей), в основном сфокусирован на возрастных ограничениях («пенсионный возраст», «пожилой человек/пожилая женщина», «пенсионная реформа/повышение пенсионного возраста»).

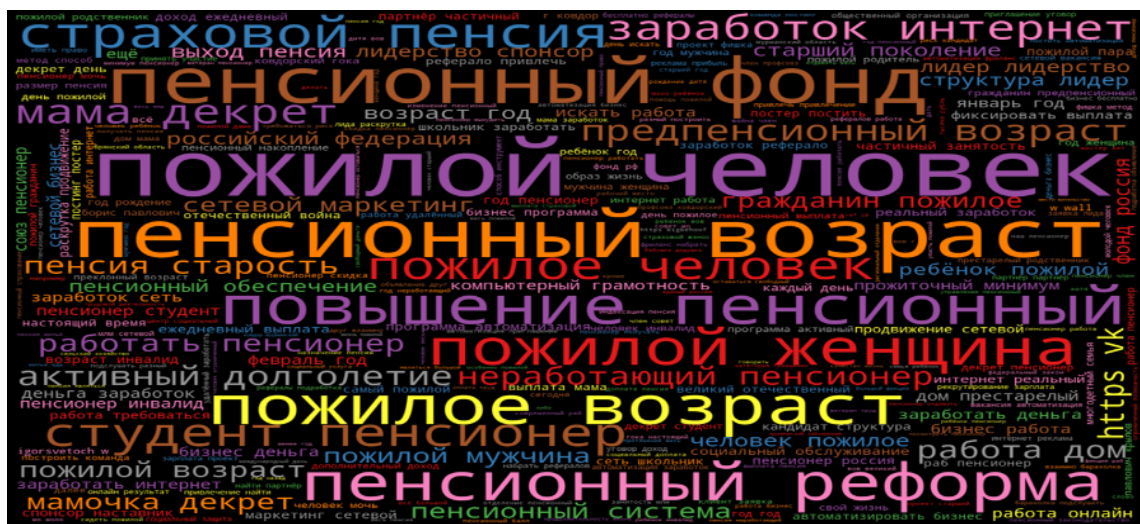

Рисунок 5. Облако тегов о пожилых (словосочетания) на основании анализа текстового массива «ВКонтакте» 2018–2020 гг.¹²

Несмотря на социально-экономические трансформации, позволившие существенно сдвинуть границы старости, информационное пространство воспроизводит и транслирует клише относительно старости и потенциала старшего поколения, превращается в инструмент общественного давления. Эти выводы подтверждаются и данными глобальных исследований. В России, по сравнению с зарубежными странами, существуют значительные различия в восприятии представителей старшего поколения. Преимущественно характеристики несут негативную коннотацию: пожилые воспринимаются

¹¹ Составлено авторами.

¹² Составлено авторами.

как бедные (44% в РФ vs 13% глобально); одинокие (41% в РФ vs 30% глобально); слабые (34% РФ vs 32% глобально). Только одна из топ-5 характеристик имеет положительное звучание — мудрые (37% в РФ)¹³.

В информационном поле фиксируются традиционно закрепленные социальные роли, предписываемые обществом представителям разных возрастов. Так, в отношении пожилых россиян речь идет об ограниченном ролевом наборе: пенсионер, дедушка/бабушка и родитель (это наиболее часто воспроизводимые в новостях роли). Такая «предписываемость» существенно ограничивает возможность более разнообразной социальной жизни. Несмотря на то, что каждый пятый россиянин старше 60 лет продолжает работать¹⁴, выполняя широкий набор внутриорганизационных (руководитель и подчиненный, коллега и т.д.) ролей, занимает активную жизненную позицию, это не находит отражения в новостном контенте. Пожилые люди и старость связываются исключительно с зависимой позицией: наиболее употребительными выступают глаголы: «помочь», «поддерживать», «воздержаться», «уберечь» (Рисунок 6).

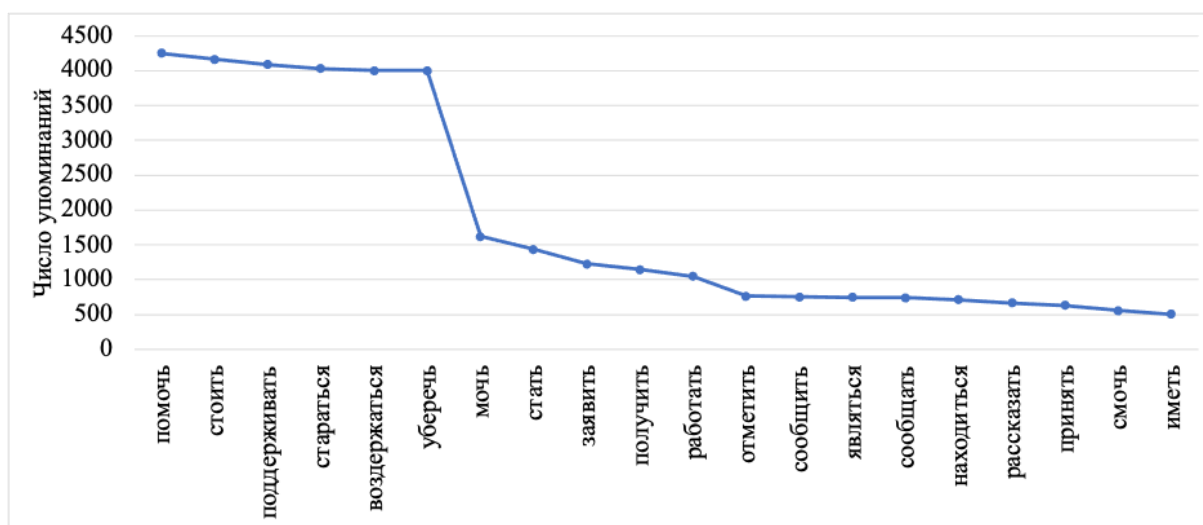

Рисунок 6. Частота упоминаний 20 самых популярных глагольных форм в новостях о пожилых на основании анализа новостного массива Lenta.ru 2000–2020 гг.¹⁵

В целом российские пенсионеры реализуют ограниченное число практик, стараются демонстрировать поведение в предписываемых обществом границах социально приемлемого, допустимого для пожилого человека. Это проявляется в досуговой деятельности представителей старших возрастов и, вероятно, реализуется в трудовых практиках [Соколов 2019; Картузова 2020]. Полученные результаты анализа новостного контента согласуются с данными репрезентативных исследований, которые показывают, что самыми распространенными занятиями для людей 60+ являются уход за детьми и внуками (62%) и внедомашний досуг (например, рыбалка, цветоводство — 58%)¹⁶.

Таким образом, в обществе формируется культура боязни старости, а информационное пространство поддерживает и закрепляет ее. Представители и самой молодой, и самой пожилой возрастной группы проявляют единодушие в оценке старости. С тем, что пенсия — это один из самых тяжелых периодов жизни (человек оказывается выброшен из активной жизни, резко теряет в доходах, сужается его круг общения, сокращается список доступных ему занятий), согласны 56% молодых и 67% пожилых россиян¹⁷. На протяжении последних лет Россия является страной с одними из худших субъективных оценок старости. В текущих условиях практически все без исключения (и старые, и молодые) боятся старости (77% опрошенных)¹⁸.

¹³ Какой будет жизнь в преклонном возрасте. С. 8 // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2019-02/g_slides-ageing-2019-rus-rus.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

¹⁴ Активная жизнь на пенсии // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 01.06.2021).

¹⁵ Составлено авторами.

¹⁶ Активная жизнь на пенсии // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 01.06.2021).

¹⁷ Расширенная подборка данных ВЦИОМ. С. 21 // Социодиггер [Электронный ресурс]. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Trud_july-2021.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁸ The Perennials: the future of ageing. Global Advisor: Ageing. P. 2 // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2019-04/ipsos-global-advisor-perennials-future-of-ageing-2019_0.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

Несмотря на то, что многие из сегодняшних 60-летних социально и физически активны, само восприятие пенсионного возраста заставляет россиян считать его «точкой невозврата», границей, чертой, за которой следует старость, преклонный возраст (13%) и нищета, маленькие пенсии (8%)¹⁹. Следует подчеркнуть, что сам возрастной порог (субъективное восприятие возраста наступления) старости у россиян ниже, чем в большинстве развитых стран и даже стран Восточной Европы. У россиян старость начинается с 61 года (самые низкие показатели по миру наряду с Саудовской Аравией и Малайзией), в то время как общемировой показатель составляет 66 лет (для Испании — 74 года, Аргентины, Бельгии, Италии — 70, Сербии, США, Японии, Швеции — 66 лет)²⁰.

Вызывает опасения и глубокий пессимизм россиян в отношении возможности дожить до старости. Данные глобального обзора демонстрируют, что среди россиян в два раза больше респондентов (по сравнению с общемировыми показателями), которые «не думают, что вообще доживут до старости». Эти данные согласуются и с результатами общероссийских исследований, по которым 30 % респондентов опасаются не дожить, умереть до наступления пенсии. При этом наибольший пессимизм выражает возрастная группа 31–45 лет — 46% опрошенных²¹.

Заключение

Культура избегания старости не способствует налаживанию конструктивных взаимодействий между молодежью и пожилыми. Складывается ситуация, когда молодые и пожилые замыкаются в границах своих групп, не стремятся обменяться опытом, оценить позиции друг друга, да и просто вступить в какое-либо взаимодействие. Стратегия избегания друг друга становится все более распространенной.

Решение межпоколенческих проблем, а также специфических проблем поколений во многом зависит от возможности их обсуждать, от включенности различных групп населения в выработку решений. Немаловажным фактором в гармонизации отношений выступает информационный фон. Проведенный анализ показывает, что в текущей ситуации новостная политика работает против организации межпоколенческого диалога, усиливая сложившиеся стереотипы в отношении старости. Следует подчеркнуть, что речь не идет о необходимости дополнительного контроля или цензурирования информационного пространства. Задача заключается в том, чтобы понимать складывающиеся особенности как производства, так и представления новостного контента, существующие практики его потребления представителями разных возрастных групп, чтобы учитывать их при организации информационного сопровождения и государственных, и корпоративных или общественных программ, связанных со взаимодействием молодого и старшего поколения в РФ.

Еще большее значение работа с информационным пространством приобретает в контексте социального конструирования отношения к старости. Сложившиеся институциональные условия (низкий уровень доверия и существенное сокращение мобилизационного потенциала общества) затрудняют налаживание конструктивных отношений между поколениями. Согласно результатам опроса Edelman Trust Barometer 2021, по уровню доверия Россия занимает последнее место среди 27 участвовавших в исследовании стран. Население страны не доверяет ни органам государственной власти (34%, при среднем по участвовавшим странам уровне доверия в 53%), ни бизнесу (34%, при среднем уровне доверия в 61%), ни медиа (29%), ни общественным организациям (25%). Очевидно, что такой общий фон недоверия указывает на трудности взаимодействия и взаимопонимания между различными группами людей и организаций [Авдеева 2021, 43].

Это приводит к очередному российскому парадоксу: отсутствие платформ для диалога, площадок, где представители старшего и молодого поколения могли бы взаимодействовать для решения разных типов задач, обмениваться опытом, не дает им услышать и оценить позиции друг друга, искусственно закрепляет данные группы как ценностно противостоящие друг другу, в то время как социально-экономические условия формируют основу для общности взглядов поколений на многие актуальные проблемы современного российского общества.

Одной из возможностей для налаживания межпоколенческого диалога, потенциал которого не до конца реализован в действующих программах, на наш взгляд, является совместное участие в волонтерской деятельности. Добровольческая деятельность позволяет представителям разных поколений, ориентированным на решение острых социальных проблем, не только лучше понять друг

¹⁹ Что такое пенсионный возраст? Какие ассоциации вызывают у людей слова «пенсионный возраст»? // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (дата обращения: 15.05.2021).

²⁰ The Perennials: the future of ageing. Global Advisor: Ageing. P. 3 // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2019-04/ipsos-global-advisor-perennials-future-of-ageing-2019_0.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

²¹ Что такое пенсионный возраст? Какие ассоциации вызывают у людей слова «пенсионный возраст»? // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (дата обращения: 15.05.2021).

друга, но и в процессе ее реализации обмениваться опытом. Волонтерство открывает возможности как для прямого (от старших к молодым), так и обратного/реверсивного наставничества (от молодых к пожилым). В настоящий момент 21% россиян (в возрасте 18–24) и 12% представителей старшего поколения (60+) регулярно занимаются волонтерской деятельностью²². Однако развитие, например, программ «серебряного» волонтерства в рамках государственной программы «Старшее поколение» пока свидетельствует о том, что многие виды активностей, помощи, взаимодействий происходят только между представителями старших возрастных групп. В то же время интеграция таких программ с площадками и ресурсами, объединяющими молодых волонтеров, организация совместных действий, несомненно, способствовала бы повышению доверия между поколениями.

Выделение добровольчества в качестве интегрирующего поколения вида деятельности имеет и еще один важный аспект: реализация альтруистических мотивов, сознательное включение в решение общественно значимых задач разделяется молодыми, не является инструментом принуждения. И в этом отношении ключевой барьер — неприятие искусственного навязывания ценностей, опыта старшего поколения — снимается, что значительно повышает эффективность программ. Следует еще раз подчеркнуть, что формирование «нового образа старости», трансляция его в различных информационных каналах, создание условий для эффективного межпоколенческого диалога — это комплексная задача, требующая как системы новых методических подходов к определению границ старости, так и взаимосвязанных институциональных преобразований в экономической, социальной и культурных сферах [Иванов 2017; Барсуков, Калачикова 2020], учитывающих региональную специфику старения российского населения [Gietel-Basten et al. 2020].

Список литературы:

- Авдеева Д.А. Роль доверия в экономике // Социодиггер. 2021. Февраль. Т. 2. Вып. 1–2(7): Доверие. С. 41–44.
- Барсуков В.Н. Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств // Социальное пространство. 2016. № 5(7). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2069>
- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2
- Беспалова Ю.М., Герцен С.М. Ценностные ориентации молодежи современной России (межпоколенный подход) // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 4. С. 117–126.
- Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.
- Герасимова В.Ю. Отношение к старости через призму отношения к смерти // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 226–249. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-226-249>.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018.
- Иванов В.И. Феномен старости // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 164–170. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110186>.
- Картузова В.М. Трудовые практики старших возрастных групп: причины выбора // Экономическая социология. Январь 2020. Т. 21. № 1. С. 81–99. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-1-81-99.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Мареева С.В. Социальные неравенства и структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 101–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>
- Маркузе Г. Очерк об освобождении. М.: Проспект, 1970.
- О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013.

²² Активная жизнь на пенсии // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 01.06.2021).

- Семёнова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
- Соколов М.М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская социализация в РФ // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 71–91. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-71-91.
- Сорокин Г.Г., Гаврилюк В.В. Геронтообразование как способ сокращения межкультурной дистанции поколений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. № 2. С. 36–52. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-36-52.
- Barkov S.A., Markeeva A.V. Young and Aged Employees in the Russian Labour Market: Confrontation or Complementarity? // *Postmodern Openings*. 2021. Vol. 12. Is. 1. P. 152–168. DOI: <https://doi.org/10.18662/po/12.1/252>.
- Edwards H., Noller P. Perceptions of Overaccommodation Used by Nurses in Communication with the Elderly // *Journal of Language and Social Psychology*. 1993. Vol. 12(3). P. 207–223. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X93123003>.
- Feuer L.S. *The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. New York: Basic Books, 1969.
- Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S., Sanderson W., Shulgin S. Ageing in Russia: A Regional Appraisal // *Journal of Population Ageing*. 2020. Vol. 13. P. 63–80. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12062-019-9238-x>.
- Mendel G. *La crise de generations. Etude sociopsychanalytique*. Paris: Payot, 1974.
- Sanderson W., Scherbov S. *Prospective Longevity*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674243316>.
- Sanderson W., Scherbov S. Remeasuring Aging // *Science*. 2010. Vol. 329. P. 1287–1288.

Дата поступления: 05.05.2021

References:

- Avdeeva D.A. (2021) Rol' doveriya v ekonomike [The role of trust in the economy]. *Sotsiodigger*. Vol. 2. No. 1–2 (7): Doverie. P. 41–44.
- Barkov S.A., Markeeva A.V. (2021) Young and Aged Employees in the Russian Labour Market: Confrontation or Complementarity? *Postmodern Openings*. Vol. 12. Is. 1. P. 152–168. DOI: <https://doi.org/10.18662/po/12.1/252>.
- Barsukov V.N. (2016) Causes and Consequences of Intergenerational Conflict as a Social Issue of “Ageing” Countries. *Sotsial'noe prostranstvo*. Vol. 5(7). Available: <http://socialarea-journal.ru/article/2069>
- Barsukov V.N., Kalachikova O.N. (2020) The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of “Old Age”. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 13. No. 1. P. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2.
- Bespalova Yu.M., Gertsen S.M. (2009). Tsennostnyye oriyentatsii molodezhi sovremennoy Rossii (mezhpokolenny podkhod) [Value orientations of the youth of modern Russia (intergenerational approach)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4. P. 117–126.
- Bourdieu P. (2002). *Sur la télévision, suivi de L'Emprise du journalism*. Moscow: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», Institut eksperimental'noy sotsiologii.
- Edwards H., Noller P. (1993) Perceptions of Overaccommodation Used by Nurses in Communication with the Elderly. *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 12(3). P. 207–223. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X93123003>.
- Feuer L.S. (1969) *The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. New York: Basic Books
- Gerasimova V.Yu. (2015) Attitude to Old Age through Death Attitude. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*. No. 2. P. 226–249. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-226-249>.

- Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S., Sanderson W., Shulgin S. (2020) Ageing in Russia: A Regional Appraisal. *Journal of Population Ageing*. Vol. 13. P. 63–80 DOI: <https://doi.org/10.1007/s12062-019-9238-x>.
- Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N. (eds.) (2013) *O chem mechtayut rossiyanе: ideal i real'nost'* [What Russians dream about]. Moscow: Ves' Mir.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.) (2018) *Dvadtsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsiy v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Twenty-five years of Russian transformations: experience of sociological analysis]. Moscow: Ves' Mir.
- Ivanov V.N. (2017) Fenomen starosti [The phenomenon of old age]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 11. P. 164–170. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110186>.
- Kartuzova M. (2019) Work Practices of Older Population Groups: Reasons for Choice. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 21. No. 1. P. 81–99. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-1-81-99.
- Mannheim K. (1994) *Diagnosis of Our Time: Wartime essays of a sociologist*. Moscow: Yurist.
- Marcuse H. (1970) *An Essay on Liberation*. Moscow: Prospekt.
- Mareeva S.V. (2018) Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population. *Vestnik Instituta sotsiologii*. Vol. 9. No. 3. P. 101–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>.
- Mendel G. (1974) La crise de generations. Etude sociopsychanalytique. Paris: Payot.
- Sanderson W., Scherbov S. (2010) Remeasuring Aging. *Science*. Vol. 329. P. 1287–1288.
- Sanderson W., Scherbov S. (2019) *Prospective Longevity*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674243316>.
- Semenova V.V. (2009) *Sotsialnaya dinamika pokoleniy: problema i real'nost'* [Social dynamics of generations: The problem and reality]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Sokolov M.M. (2019) Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia. *Sotsiologiya vlasti*. Vol. 31. No. 1. P. 71–91. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-71-91.
- Sorokin G.G., Gavrilyuk V.V. 2017. Education of Older People as a Way to Reduce the Intercultural Distance of Generations. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya*. Vol. 3. No. 2. P. 36–52. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-36-52.

Received: 05.05.2021